

А.В. Харламенко, Е.Н. Харламско

**О СТАНОВЛЕНИИ КАПИТАЛИЗМА
КАК МИРОВОЙ СИСТЕМЫ**

Идейная борьба последних лет проходит под знаком поражения раннего социализма в Европе. "По отношению к другим цивилизациям Запад находится сейчас на вершине своего могущества. Вторая сверхдержава, в прошлом его оппонент, исчезла с политической карты мира. Военный конфликт между Западными странами немислим, военная мощь Запада не имеет равных. Если не считать Японии, у Запада нет экономических соперников... Мировые политические проблемы и проблемы безопасности эффективно разрешаются под руководством США, Великобритании и Франции, мировые экономические проблемы - под руководством США, Германии и Японии... Решения, принятые Советом безопасности ООН или Международным валютным фондом и отражающие интересы Запада, подаются мировой общественности как соответствующие насущным нуждам мирового сообщества".¹

Реставрация капиталистических отношений сопровождается реставрацией соответствующих им идей. Пожалуй, в первую очередь стала возрождаться одна из основ буржуазного мировоззрения - представление, будто оно никакое не буржуазное, а общечеловеческое, то есть нормальное для всякого нормального общества. Все остальное - это болезненные отклонения или результат чьих-то подрывных действий.

Основу всех "систем ценностей", или, точнее, "норм", составляет сегодня "рынок" как экономическая основа "нормального" общества. Преимущество термина "рынок" заключается в том, что он позволяет изящно обойти категорию "капитализм". Ведь капитализм - это всего лишь одна из общественно-экономических формаций в ряду других. "Рынок" же существовал по меньшей мере 5000 лет назад - сцены купли-продажи изображены на стенах египетских гробниц того времени. Если бы "рыночники" были последовательны, им пришлось бы признать, что "нерыночных" обществ попросту не бывает. Но это противоречит другой стороне их политического заказа: убедить людей в том, что "настоящий" рынок

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций?//Политические исследования. 1994. Январь-февраль N1.С. 42.

присущ только "Западу" - тем нескольким странам, которые могут и должны господствовать над остальным миром. Поэтому западные идеологи дополняют идею "рынка" идеей свободы, неотъемлемой от "рыночных" отношений, а все "нерыночные" отношения рассматриваются как основанные на насилии и внеэкономическом принуждении - от "восточного деспотизма" через "кулачное право" феодализма до "командно-административной системы" XX века.

Обе эти идеи очень старые. Они в ходу со времен Ренессанса. И тогда и теперь их не только прилагают к современному обществу, но и распространяют на историческое прошлое. В период Ренессанса зародилось представление о том, что от "естественной нормы" могут отклоняться целые общества и исторические эпохи; ближайшим примером такого отклонения считалось феодальное Средневековье - царство невежества и насилия. Правда, позднее Т.Гоббс считал "войну всех против всех" основой именно современного ему раннекапиталистического общества, а единственное спасение от нее видел во "внеэкономическом принуждении" со стороны государства - Левиафана. Однако Т.Гоббс остался, почти в одиночестве, если не считать Н.Макиавелли. Более же поздние философы и историки, заклеив их обоим позором за оправдание насилия и деспотизма, стали рассматривать развитие капитализма как неуклонное расширение личной инициативы и свободы по мере роста товарно-денежных отношений ("рынка"), вытесняющих внеэкономическое принуждение. Логическим завершением этих отношений стала известная статья Ф.Фукуямы о конце истории, достигнутом в наше время благодаря триумфу "западной идеи". "То, чему мы, вероятно, свидетели, - не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления... В нашем столетии две мировые войны и сопутствующие им революции и перевороты помогли пространственному распространению данных принципов, в результате провинция была поднята до уровня форпостов цивилизации, а соответствующие общества Европы и Северной Америки выдвинулись в авангард цивилизации, чтобы осуществить принципы либерализма".²

Ф.Фукуяма и С.Хантингтон предлагают, по существу, не научные концепции, а разновидности политической апологии современного империализма. Но и те авторы, которые в отличие от них не в

² Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. Март N 3. С. 134 -136.

восторге от перспективы "конца истории" или бесконечной борьбы Запада против остального мира,³ все-таки не видят альтернативы. Так, А.Гундер Франк, один из бывших теоретиков "новых левых", заявляет: "Пора понять, что нет "избавления" от рыночной экономики и системы. В свое время я рекомендовал порвать с ней... Я изменил свою точку зрения".⁴ А популярный в некоторых оппозиционных кругах России А.Зиновьев выдвигает свою собственную концепцию "конца истории". Он считает, что капитализм перерос в новый общественный строй - "западнизм", устраняющий классическую конкуренцию отдельных капиталистов с их индивидуальными капиталами, а заодно и всякую индивидуальную свободу и инициативу, и устанавливающий господство универсального капитала. А.Зиновьев не видит альтернативы этому господству, хотя и призывает к непримиримому противостоянию ему.⁵

Нужно сказать, что многие отечественные историки и философы, а не одни А.Зиновьев, оказались под гипнозом представлений о нормальности, универсальности и общечеловечности "рынка" и всех его производных. Например Ю.М.Кобищанов полагает, что еще со времен Нововавилонского царства "зарождается и развивается протокапиталистический уклад в виде наемного труда, товарного пригородного земледелия, торгового скотоводства, городского предпринимательства, работающих на рынок крупных мастерских, торгового капитала, прибылей, банков". Но и в древности, и в средневековье этот уклад не мог успешно развиваться из-за давления господствующей "большой феодальной формации", основу которой составляет внеэкономическое принуждение, "внерыночные или даже вообще внеэкономические отношения распределения, в том числе в государстве, использующем зависимый труд". В число "неофеодальных" он включает "советское общество при Сталине", а также современные развивающиеся страны. Собственно капиталистической автор считает только "новую западную цивилизацию", вплоть до того, что, например, в ЮАР признает победу капитализма только в "обществе европейцев и "цветных", тогда как у банту его победа лишь намечается".⁶

³ По существу, и то, и другое представляет собой "дурную бесконечность".

⁴ А.Гундер Франк. Смещение мировых центров с Востока на Запад//Латинская Америка. 1993. Февраль N2.0.11.

⁵ См. А.Зиновьев. Величайший перелом в истории человечества//Правда. 11 ноября 1994.

⁶ Кобищанов Ю.М. Теория большой феодальной формации//Вопросы истории. 1992. Апрель-май N 4-5.

Подобные представления не могли бы широко распространиться, если бы еще до политических переворотов 80-90-х годов философская и историческая науки раскрыли бы и описали сущность капитализма, его генезис и последующее развитие, особенности его современного состояния. При этом нельзя сказать, что изучением капитализма мало занимались. Напротив, этому предмету было посвящено множество исследований, был собран огромный эмпирический материал. Но, что касается методологии, результаты разочаровывают.

В советской исторической науке много серьезных работ было посвящено генезису капитализма. Их авторы стремились опираться на концепцию "Капитала" К.Маркса. Но все же перед их внутренним взором стоял образ капитализма, как он складывался и развивался в странах Запада. В их умах так преломилось философское требование выделения предмета исследования в чистом виде. Например, М.А.Барг пишет: "Известно, что научная абстракция нацелена на воспроизведение предмета исследования в "чистом виде"... Отсюда огромное, без преувеличения, значение проблемы "чистых форм" в историческом познании".⁷ В соответствии с этим он выдвигает "принцип предельности": "... "Предельность" процессов, наблюдаемых в исторической действительности, может выступать лишь как наибольшее приближение этой последней к своему понятию."⁸ Естественно, больше всего историческая действительность капитализма приближается к своему понятию на "цивилизованном Западе", и чем дальше от него, тем капитализма будет меньше.

Подобной же методологии следует А.Н.Чистозвонов, когда утверждает: "Личная несвобода рабочего несовместима с капиталистической формой производства, и там, где она наличествует, нет капитализма в марксистском его понимании."⁹ А.Н.Чистозвонов выделяет предмет исследования с точки зрения чистоты общественных отношений внутри формации, и вывод из этого следует тот же самый: первоначальное становление капитализма происходит только в странах Запада.

В соответствии с этим процессы, которые тогда же происходили в Южной, Центральной и Восточной Европе, Латинской Америке и т.д., признаются не процессами генезиса капитализма, а в лучшем

⁷ Барг М.А. Категории "всемирно-исторические" и "локально-исторические" // Вопросы истории. 1980. Январь N 1. С. 67.

⁸ Там же.

⁹ Чистозвонов А.Н. Генезис капитализма: проблемы методологии. М.: Наука, 1985. С. 42.

случае его условиями, находящимися еще в пределах докапиталистических формаций. Попытки О.Бауэра и некоторых современных немецких и советских историков рассмотреть вторичное закрепощение крестьян как процесс по сути капиталистический, были безжалостно раскритикованы. Так, А.Н.Чистозвонов писал: "Поместно-крепостной строй XV1-XVШ вв. стран Центральной и Восточной Европы отражал не эволюцию в капиталистическом направлении, а лишь соприкасался с категориями (?) разложения феодальной системы".¹⁰ С тех же позиций были отвергнуты предложения А.Гундер Франка и ряда латиноамериканских ученых рассматривать колонизацию Латинской Америки как предприятие, по существу капиталистическое. Либеральные историки Запада, а за ними и марксисты утверждали, что испанские и португальские колонизаторы навязали Латинской Америке феодализм, который и господствовал там Чуть ли не до середины XX в. Только в самое последнее время эта точка зрения стала Подвергаться критике в отечественной исторической наукой.¹¹

Подобный способ "выделения предмета в чистом виде" нередко применяется не только к странам и регионам, но и к социальным группам и даже к отдельным людям. Например, Н.В.Савина считает, что если в горную Промышленность вкладывали капиталы банкирские дома Фуггеров и Вельзеров, то это было развитие Капитализма, а если то же самое делали герцоги Саксонские и графы фон Мансфельд, то это знаменовало феодальную реакцию.¹² Фактически эту точку зрения разделяет В.А.Ведюшкин в исследовании о кастильской аристократии того же времени "первоначального накопления".¹³ В обоих случаях о феодальной реакции говорится без учета характера хозяйственной деятельности дворян и князей, их действительной общественной роли.

Развитие капитализма "в чистом виде", происходившее в Западной Европе и, особенно, в Англии, рассматривается при таком подходе как норма для всех стран и регионов. Путь прогрессивного развития для всех один и Тот же, только у большинства оно сначала отстает, а потом деформируется внешними факторами.

¹⁰ Там же. С. 227.

¹¹ См. Марчук Н.Н. Борьба за независимость в Латинской Америке в конце XVIII - начале XIX в. М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1988.

¹² Савина Н.В. Южнонемецкий капитал в странах Европы и испанских колониях в XVI в. М.: Мысль, 1982.

¹³ Ведюшкин В.А. Экономическое положение кастильской аристократии в XVI в. // Социально-экономические проблемы генезиса капитализма. М.: Наука, 1984.

"Степень стадияльно-региональных изменений прямо связана с длительностью стадияльно-хронологического разрыва, с которым те или иные страны, регионы вступают на путь буржуазного развития и буржуазных революций".¹⁴ Проще говоря, чем позднее страна вступает на путь буржуазного развития, тем больше это развитие отклоняется от "нормы", причем в отсталых странах решающую роль может сыграть воздействие передовых стран: "...Внешняя среда, если она включает передовой регион (регионы), может оказывать определяющее воздействие на трансформации» переходных форм в остальных регионах..."¹⁵ В самих же передовых странах процессы развития капитализма "протекали в форме чистого, спонтанного развития, то есть не испытывали никакого внешнего воздействия со стороны более высокоразвитых стран".¹⁶ Таким образом, мировое развитие капитализма мыслится не как взаимодействие, а как одностороннее воздействие передовых стран на отсталые.

Но, коль скоро взаимодействие не существует, то единство может быть понято только как сходство. Капиталистическую формацию составляют однотипные страны, а различия между ними суть только различия количественные, то есть различия степени развития наемного труда, конкуренции и т.п. Таким образом, формация оказывается не системой, а механической суммой единиц. Но если так, то путь каждой страны, в том числе и передовой, предопределен заранее, и мы имеем дело не с закономерностью, а с фатальностью, не с развитием, а с "метаморфозой", когда в семени дано уже все растение.

"Метаморфоза капитализма" такова: возникает натуральный обмен, он превращается в торговлю, накопление денег создает капитал, торговый капитал обращается в мануфактурный, затем - в промышленный. При этом получается, что товарно-денежные отношения качественно равны капиталу, а капитал - капитализму, различаясь только количественно. "Что касается категорий товарного хозяйства, то их эволюция в категории капита-

¹⁴ Чистозвонов А.Н. Генезис капитализма: проблемы методологии. М.: Наука, 1985. С.145.

¹⁵ Барг М.А., Черняк Е.Б. Социально-классовые отношения в эпоху перехода от феодализма к капитализму//Формации и социально-классовые структуры. М.: Наука, 1985.С. 54-55.

¹⁶ Чистозвонов А.Н. Генезис капитализма: проблемы методологии. М.: Наука, 1985. С.132.

листорические потенциально заложена в законах развития самого товарного хозяйства".¹⁷

Как видим, *методология* исследования генезиса капитализма остается фактически на уровне метафизического материализма XVIII в. и, следовательно, не позволяет раскрыть ни действительной взаимосвязи стран и регионов в этом процессе, ни, строго говоря, самого процесса *развития*, разрушения старого и возникновения нового.

Действительно, капитал вырастает на основе товарно-денежных отношений, а капитализм - на основе капитала. Однако, и товарно-денежные отношения, и капитал исторически возникали неоднократно и неоднократно же разрушались. Первый их расцвет приходится на эпоху расцвета Среднего царства Египта и Старовавилонского царства; второй - на период от Нового Вавилона (VI в. до н.э.), где уже возник прообраз европейских торговых домов XVI в. н.э., до Римской империи, когда торговый и ростовщический капитал охватывал все Средиземноморье. Однако, ни в том, ни в другом случае перерастания капитала в капитализм не произошло.

Объяснять это внешними капитализму факторами - значит отрывать его от действительности истории общества, ставить вне ее и над ней как фатальную неизбежность ее направления и конца. На самом деле в законах товарно-денежных отношений заложена и возможность, и невозможность их перерастания в капиталистические. От того, какая сторона этой альтернативы осуществится, зависит, пойдет ли развитие капитала в тупик или перерастет в развитие капитализма. И условия, в которых произойдет последнее, будут внешними для развития капитала, но внутренними для развития капитализма.

Отсюда видно, что капитал и капитализм - не одно и то же. Более того: не при любых исторических условиях капитал становится сущностью капитализма. Известно, что торговый и ростовщический капитал существовал и при рабовладении, и при феодализме. На протяжении обеих этих эпох он не плавает в океане "внеэкономического принуждения", соприкасаясь с ним чисто внешне, а представляет собой уклад ("свое иное") той или другой "докапиталистической" системы производственных отношений, вступая на ее основе во взаимодействие с экономическими отношениями другого типа - натурально-хозяйственными. Так, Б.Ф.Поршнева справедливо отмечал, что прибыли купцов-посред-

¹⁷ Там же. С. 30

пиков в средние века являлись по существу присвоением части феодальной ренты.¹⁸ Это значит, что купеческий капитал составлял часть общественных отношений зрелого феодализма, хотя основу феодальных отношений составляет натуральное хозяйство. Точно так же немислимы без купеческого капитала, без развитых товарно-денежных отношений восточное и античное рабовладение и восточный феодализм.

Почему же новый подъем капитала, начавшийся в средние века, привел к иным результатам, чем предыдущие, то есть не к тупику и гибели, а к перерастанию в новое качество - капитализм? И действительно ли сам по себе капитал, и притом только западноевропейский капитал, вызвал к жизни это новое качество?

Прежде всего, говоря о Западной Европе в эпоху Средневековья, нельзя подразумевать региональные границы и региональные особенности Нового времени. Средние века знают совсем иные региональные деления: это в первую очередь регионы "феодального синтеза" (термин Б.Ф.Поршнева), то есть взаимодействия древних центров товарного хозяйства с огромными территориями бывшей варварской периферии, на которых господствовало натуральное хозяйство. Регионы эти примерно совпадают со сферами распространения мировых религий и церковных организаций того времени. Но эти регионы никогда не были изолированы друг от друга, а в XII-XIII вв. уже сложилась феодальная эйкумена, охватившая Европу, большую часть Азии и Северную Африку. Она была создана двумя видами международного общения - войной и торговлей. Военные дороги становились торговыми путями, а новые войны велись уже за эти торговые пути. В феодальных вроде бы войнах купец шел вслед за рыцарем-завоевателем, рядом с ним, а иногда и перед ним, как его разведчик (итальянские купцы в Леванте, Марко Поло в Китае, бременские купцы в Прибалтике).

В средние века приняла устойчивый характер начавшаяся еще в древности торговля между странами Дальнего Востока и Средиземноморья по Великому шелковому пути и морскому "пути Синдбада" вокруг Азии. Были проложены новые торговые пути: из Константинополя и Багдада по русским рекам и Балтике в Северную Европу; из Средиземноморья через Сахару в Тропическую Африку и по Индийскому океану в Восточную Африку; Балтику и Средиземноморье связали пути по Рейну, Эльбе, Влтаве и Дунаю, продолжавшиеся через альпийские перевалы в Северную Италию. Именно вдоль этой связки торговых

¹⁸ См. Поршнева Б.Ф. Феодализм и народные массы. М.: Наука, 1964. С. 127-132.

путей раньше всего поднялись города, и именно за нее императоры боролись с папами.¹⁹

Говоря о борьбе за торговые пути, нельзя забывать о крестовых, походах. Не случайно папы разрешали немецким и скандинавским феодалам вместо Палестины отправляться в земли славян, пруссов, ливов и эстов. Тевтонский орден и Орден меченосцев обеспечили северогерманским купцам контроль над Балтийским морем и устьями впадающих в него рек, что обусловило господство немецкого патрициата в городах Чехии, Польши, Венгрии и даже Скандинавии. Аналогичным образом походы в Палестину принесли североитальянскому купечеству господство на Средиземном море, хотя для этого крестоносцам пришлось разгромить не только мусульманские государства, но и православную Византию и даже католическую Южную Италию.

Такое тесное взаимодействие и взаимопонимание феодалов и купцов не случайны. В эпоху Средневековья связи капитала с феодальным строем были весьма разветвленными. Они выражались не только в феодально-рентной основе купеческих прибылей, не только в войнах за торговые пути, но и, например, в капитализации своей ренты такими столпами феодальной системы, как монастыри (католические и православные²⁰), духовно-рыцарские ордена и сама папская курия, которые выступали в роли ростовщиков и банкиров. Однако на этой стадии капитал развивался еще не на собственной основе. Он развернул еще не всю систему своих отношений, а только часть ее: товар, деньги, ссудный процент и т.д.

Поскольку капитал развивался не на собственной основе, причины его перехода в качественно иное состояние нужно искать не в нем самом, а в его взаимодействии с натурально-хозяйственной основой феодализма. Уже к XIII в. были исчерпаны возможности ее экстенсивного развития, то есть освоение новых земель стало требовать таких вложений живого и овеществленного труда, которые предполагают разделение и комбинирование общественного труда, выходящее за рамки натурального хозяйства. Больше не осталось незанятых плодородных земель, легко доступных для крестьянской колонизации. Соответственно, прекратились миграции варварских племен; феодальная эйкумеи включила в свой состав прежнюю

¹⁹ См. Луццато Дж. Экономическая история Италии. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1954.

²⁰ См., например,: Ключевский В.О. Лекции XXIV-XXVI//Соч. в 9 томах. М.: Мысль, 1982. Т. II.

варварскую периферию. Новые земли теперь приходилось либо отвоевывать у природы (например, у моря в Нидерландах), либо добираться до них через моря и горы, либо завоевывать их уже не у варваров, а у других феодальных государств, не менее развитых и сильных. Потребовалось массовое производство новых орудий труда и войны (в том числе транспортных средств), которых натуральное хозяйство обеспечить не могло. Все это резко повысило роль ремесла и торговли. Соответственно, возросло влияние городов и городского патрициата, в руках которого сосредоточивался капитал.

Германские и североитальянские города монополизировали обе важнейшие трассы евроазиатской торговли - балтийскую и средиземноморскую. Те же североитальянские города извлекли максимум выгоды из завоевания Чингиз-хана и Чингизидов и складывания их империи. Папа Иннокентий IV, в миру Синибальдо Фиески, выходец из богатейшей семьи генуэзских торговцев, в 1246 г. направил своих послов Плано Карпини и Рубрука в монгольскую столицу Каракорум, благодаря чему генуэзским купцам открылись новые пути в страны Востока вплоть до Китая. Самым прибыльным делом была скупка невольников в Золотой Орде и их перепродажа в Средиземноморье - как мусульманам, так и добрым католикам Испании и Италии.²¹ Городские республики Северной Италии и Каталонии создали не только широкую сеть факторий, но и значительные колониальные владения на берегах Средиземного и Черного морей, в то время как немецкие города активно участвовали в колонизации Балтийского побережья. В Северной Италии ранняя буржуазия - "пополо грассо" - уже в XIII в. достигает господства, подчиняя себе феодальную знать, скупая ее земли и разоряя крестьян. В XIV в. и в Германии начинается захват общинных земель и лесов феодалами и богатыми горожанами, которые начинают использовать в своем хозяйстве наемный труд.²² В XIV в. в Италии и Фландрии возникают первые мануфактуры, основанные на наемном труде, а в 1378 г. во Флоренции происходит первое крупное восстание наемных работников - восстание чомпи. В странах же, ставших поставщиками продовольствия и сырья для Север-

²¹ В те самые десятилетия Ренессанса, когда писалось и говорилось множество восторженных слов о свободе и достоинстве человека, в североитальянских городах было множество рабов. Приверженность гуманистов античному наследию не в последнюю очередь сказывалась в спокойном приятии свободы избранных и рабства тех, кто должен эту избранность обеспечить, как естественной нормы жизни.

²² См. публикацию В.Е.Майра в кн. Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма, М.: Наука, 1969. С. 143-148.

ной Италии и Фландрии (Прибалтика, Южная Италия, Арагон, Балканы), происходит, наоборот, закрепощение крестьян.

С точки зрения диалектики капитализм обрел здесь свое *бытие*, и уже на этом уровне начал разворачивать определения, которые характеризуют его как наиболее эксплуататорскую из всех эксплуататорских формаций. Это - экспроприация общественной (тогда общинной) собственности и разрушение самой общины; максимальная концентрация богатства²³, на одном полюсе и нищеты на другом; использование, а затем усиление неравномерности развития регионов, разделение эйкумены на метрополии и колониально-зависимую периферию. Однако разница уровней развития более передовых и более отсталых регионов Евразии, - "разность потенциалов", капитализируемая ранней буржуазией, - оказалась недостаточной для того, чтобы новый способ производства мог вполне выделиться из старого, не говоря уже о достижении решающего перевеса. Поэтому *бытие* капитализма вскоре поглотило его *ничто* - так называемая феодальная реакция.

Следует учитывать, что уже *бытие* капитализма несло трудящимся эксплуатацию гораздо более жестокую, чем феодальная. Поэтому "феодальная реакция" опиралась не только на враждебную капиталу часть феодальной знати, но и на широкое движение протеста народных масс. Восстания XIII-XV вв. в большинстве своем были направлены против торгово-ростовщического капитала и связанных с ним правителей и землевладельцев. В Англии повстанцы Уота Тайлера расправлялись в первую очередь с итальянскими и фламандскими купцами. Гуситское движение нанесло тяжелый удар немецкому патрициату не только в Чехии, но и в соседних странах. Борьба народов Азии и Восточной Европы против Чингизидов положила конец "режиму наибольшего благоприятствования" для итальянских купцов, и наемная генуэзская пехота полегла на Куликовом поле вместе с золотоордынской конницей.

Во многих странах народным массам удалось значительно улучшить свое положение: крестьяне-общинники укрепили свои владельческие права, та их часть, которая была лично зависимой, добилась личной свободы: ремесленные цехи стали участвовать в городском самоуправлении, потеснив патрициат. Уровень жизни

²³ В конце XIII в., когда человек среднего достатка мог прожить на несколько лир в год, дож Венеции Р.Зено владел капиталом 22935 лир, который был вложен в 132 торговые акционерные компании. См. Луццатто Дж. Экономическая история Италии, М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1954. С. 371.

народа в Европе XV в. был выше, чем раньше, и значительно выше, чем в последующие два-три столетия.

Результатом этих процессов стало оформление позднефеодального общества с развитой системой сословно-представительных учреждений *действительности* феодализма, составлявшей одновременно *ничто* капитализма. *Действительность* феодализма возникла не в результате развития его собственной сущности как таковой, а в результате ее реакции на зарождение новой сущности, пока еще на стадии *бытия*. Феодализм вступил в нисходящую стадию и развивался уже не на собственной основе, а на основе взаимодействия своей сущности - натурального хозяйства - уже не просто с капиталом, а с капитализмом, хотя и не изжившим еще стадии бытия. Таким образом, "феодалная реакция" не прервала, а только притормозила развитие капитализма, ограничив его разрушительные последствия, которые могли бы взорвать его в зародыше. Действительно серьезным препятствием на пути становления капитализма оказались не феодальные отношения, а существование центров капитала, альтернативных итальянскому и германскому, в других частях феодальной эйкумены.

Так, торговые пути от Гранады до Индонезии находились под контролем купцов-мусульман, и борьба их с европейскими соперниками на Средиземном море шла с переменным успехом. Мусульмане Северной Африки держали в руках пути в Черную Африку, снабжая Средиземноморье золотом, слоновой костью и черными невольниками. Далее на восток караванные торговые пути контролировали кочевники Ближнего Востока, Средней и Центральной Азии. В оазисах среди пустынь и степей стояли города центры торгово-ростовщического капитала, который вместе со знатью кочевых племен контролировал пути евроазиатской торговли. Такова была экономическая основа великих арабских и монгольских империй.

В XII - XV вв. огромных размеров достигла морская торговля между странами Восточной и Южной Азии. Китай, Япония, Сиам, Малайя, Ява располагали первоклассным по своему времени флотом, как военным, так и торговым. В начале XV в. Китаю удалось открыть для себя пути торговли со странами бассейна Индийского океана, направив туда флот под командованием Чжэн Хэ. Флот этот мало уступал "Непобедимой армаде", собранной Филиппом II в 1588 г. - он включал 62 крупных корабля с 27 тыс. человек экипажей. Один из крупнейших торговых портов Китая - Гуанчжоу, по свидетельству европейца-современника, равнялся трем Венециям. В регионе сложилась система международного разделения труда. Никому в Европе не понадобились бы Великие географические откры-

тия, если бы не сложившаяся уже специализация целых стран на выращивании пряностей: гвоздики (Молуккские острова - 750 т. в год), мускатного ореха (острова Банда), перца (о. Суматра), корицы (о. Ланка). Ява снабжала продовольствием Острова Пряностей и Малакку, а Индия - Аден, Ормуз и мусульманские города Восточной Африки. Шелк и фарфор из Китая, индийские ткани - не только дорогие, но и предназначенные для широкого потребления - расходились по всему региону. В Китае уже существовала мануфактура - как рассеянная, так и централизованная, работавшая на местном и привозном сырье (олово из Малайи, кобальтовая краска с Калимантана, ценные породы дерева из Юго-Восточной Азии). Торговлю вели не только купеческие дома, но и крупные феодалы и государи. Торговые Пошлины составляли значительную часть доходов казны. В регионе имели хождение бумажные деньги.²⁴

Страны Европы, Азии и Северной Африки в этот период потому и составляли одну эйкумену, что их связывала общая система хозяйственных отношений. Торговые пути одного региона служили продолжением или дополнением торговых путей другого; так, например, морской путь вокруг Азии соперничал с сухими путями караванной торговли. В пределах эйкумены сложился не один, а несколько, центров мощного торгового капитала, ремесла и мануфактурного производства. Однако ни один из них не превосходил другие настолько, чтобы подавить их экономическим или военным путем. С другой стороны, ни один из них не возвышался над своей феодальной периферией настолько, чтобы путем ее эксплуатации достичь уровня, необходимого для преодоления "феодальной реакции", сопротивления трудящихся и соперничества других центров. Флотоводец Чжэн Хэ мог бы завоевать острова Индонезии, но это не дало бы ни китайскому государству, ни купцам таких выгод, ради которых стоило бы начинать большую войну. Поэтому, ведя борьбу за торговые пути, Чжэн Хэ устанавливал не колониальные, а вассальные отношения. Но впоследствии плавание китайского флота пришлось прекратить, так как они стали казаться слишком разорительными для казны.

Столь же разорительными казались многим в Италии и Испании проекты плавания Колумба, и, возможно, выгоды западного пути в Индию и Китай в самом деле не скоро возместили бы издержки его поисков. Но Колумбу посчастливилось наткнуться на Новый Свет, который тысячелетиями развивался изолированно от

²⁴ См. Берзин Э.О. Юго-Восточная Азия в XIII-XVI веках. М.: Наука, 1982; Свет Я.М. За кормою сто тысяч ли. М.: Географгиз, 1960.

Старого. К тому времени, когда в Евразии сложился поздний (феодализм, материализовавшийся в данном случае в парусных судах и огнестрельном оружии, в Америке сохранялись раннеклассовые общества. Конкистадорам удалось благодаря этому в считанные годы и с минимальными потерями захватить огромное количество драгоценных металлов, которое смогло вызвать "революцию цен". Грабя сокровища инков и отправляя в Европу слитки золота и серебра, конкистадоры, сами того не подозревая, прокладывали путь *становлению* капитализма: приток драгоценных металлов вызвал повышенный спрос на товары мануфактурного производства и тем самым стимулировал устойчивое развитие мануфактур, а колонизация Америки создала для них рынки.

Мы не хотим сказать всем этим, что без Нового Света капитал так и остался бы докапиталистическим капиталом, и капитализм вообще не возник бы. Но если бы Новый Свет не был тогда открыт или его вообще не существовало (допустим такую возможность), то развитие капитализма было бы полицентричным и потому более медленным. "Восточная неподвижность", которую европоцентристы считают исконной, не возникла бы вообще. Напротив, центры капитала на Востоке и Западе боролись бы между собой за то, чтобы стать метрополиями и превратить остальную эйкумену в свою зависимую периферию. Роль метрополии переходила бы от одного центра к другому, и это делало бы развитие капитализма более сбалансированным. Но в обоих случаях, реальном и гипотетическом, капитализм потребовал бы для своего становления, не говоря уже о развитии, глобального масштаба. В обоих случаях он основывался бы на эксплуатации не только наемного труда, но и зависимых стран и регионов. В этом заключается историческая закономерность. Случайность же состоит в том, что феодальная эйкумена соприкоснулась с другой эйкуменой именно на рубеже XV и XVI веков и притом именно западной; европейской, а не восточной, азиатской, своей окончательностью.²⁵ Поэтому "разность потенциалов" между Старым и Новым Светом позволила выбиться в метрополии именно Западной Европе, в рекордно короткие сроки вытеснившей и сокрушившей благодаря этому своих соперников. Поэтому все последующее развитие мирового, капитализма стало моноцентрическим, крайне неравномерным и несбалансированным, а потому чрезвычайно далеким от идиллии, которая рисуется взору либералов всех времен и народов.

²⁵ Случайность заключается *еще* и в том, что в империи пиков именно в это время происходила гражданская война, ускорившая Конкисту.

Поток драгоценных металлов из Нового Света обесценил и фиксированные (феодалы ренты, и старый "феодалы" купеческий и банкирский капитал. Немецкие и итальянские торговобанкирские дома слишком тесно срослись со старой системой международного разделения труда и международной торговли, которая превращала в капитал феодальную ренту. Что же касается вложения их капиталов в производство, то вкладывались они, в первую очередь, в добычу золота и серебра в Старом Свете. Продукция германских, чешских, словацких рудников служила материальным выражением старой системы товарно-денежных отношений. Вторая волна "революции цен", начавшаяся в конце XVI - начале XVII века, когда в колониях была налажена добыча золота и серебра, привела к резкому снижению их добычи в Европе²⁶ и к дальнейшему упадку старого торговобанкирского капитала.

Из-за обесценивания фиксированных рент феодальное имение также оказалось в кризисной ситуации. Это вынудило землевладельцев в широком масштабе сгонять крестьян с земель и заводить на них прибыльное хозяйство. Это могли быть овечьи пастбища (если в Англии отдельные лендлорды огораживали отдельные луга, то в Испании Места - союз грандов-овцеводов "огородила" фактически всю страну, по которой стада перегоняли с зимних пастбищ на летние и обратно). Это могли быть пруды, где разводили рыбу, как в Чехии, или латифундии, обрабатываемые крепостными крестьянами, лишенными собственных наделов, как в Польше и Восточной Германии. Во всех этих случаях сельское хозяйство все больше и больше ориентировалось на потребности мануфактуры, которая нуждалась в сырье для работы и продовольствии для работников. Теперь не купеческая прибыль оказывалась видоизменением феодальной ренты, а, наоборот, феодальная по видимости рента становилась разновидностью предпринимательского дохода.

В этой ситуации, как ни парадоксально, купцы - носители капитала - оказались вместе с тем носителями *феодальной* системы отношений. Не случайно попытки Фуггеров и Вельзеров включиться в колониальную экспансию очень скоро окончились неудачей, а из горного дела они были вытеснены княжеским предприниматель-

²⁶ См. Савина Н.В. Южнонемецкий капитал в странах Европы и испанских колониях в XVI в. М.: Мысль, 1982.; Фараджева С.А. Ранние капиталистические отношения в горной промышленности Саксонии во второй половине XVI в.// Генезис капитализма в позднее средневековье в Англии и Германии. М.: Моск. гос. пед. ин-т им. В.И.Ленина, 1979.

ством.²⁷ "Новые" же дворяне и князья, какие бы феодальные титулы они не носили, стали, как и конкистадоры, проводниками *капиталистических* отношений. Капитализм не требует ни от кого анкетных данных, родословного древа и декларации о намерениях; он вовлекает людей в свою сферу независимо от их волн, а часто и помимо нее. Неудивительно, что именно "новое дворянство" оказалось гегемоном всех раннебуржуазных революций, а многие его представители возглавили их, сами того не желая, как, например, Вильгельм Оранский или Кромвель.

К такому историческому результату вела не только эволюция хозяйственной деятельности феодалов, но и параллельная эволюция позднефеодального государства. В XVI в. почти по всей Европе оно сталкивалось с таким последствием огораживаний и "революции цен" в целом, как огромная масса бродяг - в основном вчерашних крестьян, оторванных от земли. Власти стремились любыми способами отделаться от этих социально беспокойных элементов. Некоторые государи пытались ограничить огораживания, но почти все вынуждены были принимать "кровавое, законодательство" в том или ином виде. Классическим примером, как известно, служат законы Тюдоров, по которым бродяга обязан был наниматься к хозяину, который предложит ему работу, за любую заработную плату. Если работник пытался бежать, его наказывали плетью, после второй попытки ему на лицо ставили клеймо, после третьей вешали. Какие бы цели ни преследовали Тюдоры, принимая "кровавые" законы, факт их принятия включал абсолютистское государство в капиталистическую систему отношений, так как они вместе с законами о максимуме заработной платы обеспечивали мануфактуры и торговый флот дешевой рабочей силой. С другой стороны, только колониальная экспансия и рост мануфактур дали государственной власти реальные возможности для того, чтобы провести в жизнь "кровавое законодательство" и не быть свергнутой народным восстанием. Часть недовольных эмигрировала в колонии. Эксплуатация тех же колоний и налоги с мануфактур давали деньги на содержание наемных армий, причем наемниками становилась другая часть экспроприированных крестьян. Вчерашнее феодальное дворянство, разоряемое "революцией цен", так же шло на военную и другую государственную службу и оказывалось проводником тех самых капиталистических отношений, которые его разоряли. В некоторых странах, например, во Франции, государственная

²⁷ Савина Н.В. Южнонемецкий капитал в странах Европы и испанских колониях в XVI в. М: Мысль, 1982.

служба, откуп налогов и т. п. деятельность имели первоочередное значение и для буржуазии, выступая важнейшими рычагами "первоначального накопления".²⁸ Абсолютистское государство оказалось втянутым в капиталистические отношения и внедряло их путем самого что ни на есть "внеэкономического принуждения".

Таким образом, в XVI в. происходит процесс становления капитализма, в который втягиваются и те социальные силы, которые раньше выступали носителями "феодальной реакции". Это делает процесс становления необратимым и подводит его к *качественному* утверждению. Капитализм достигает качественной определенности с мануфактурным переворотом, который в ряде стран Европы совершился в XVII в. Как отмечает М.А.Барг, именно в этом столетии резко возрастает удельный вес централизованных мануфактур и происходит "исход" мануфактуры из городов в деревню, где не было цеховых ограничений. И то, и другое было результатом процессов XVI в.: возникновения мирового рынка и массовой экспроприации крестьян.²⁹ Таким образом, качественная определенность капитализма проявляется первоначально в отдельных странах, но при этом остается результатом мировых процессов. *Количественное* развертывание нового качества заключается в том, что периферийные страны и регионы вслед за метрополиями переходят от становления к качеству, а не в том, что капитализм в готовом виде переносится из центров на периферию. При этом качественная определенность капитализма на периферии может парадоксальным образом выглядеть как феодальная реакция или возрождение докапиталистических отношений, например, рабства и Крепостничества, которые по 4юрме совсем не напоминают "классический капитализм". Но если бы наука всегда ограничивалась "чистой формой", кит и дельфин до сих пор считались бы рыбами. Складывание мировой системы капитализма предполагает многообразие форм, и только взаимосвязь между ними образует качество системы. "Второе издание крепостного права" в Центральной и Восточной Европе и плантационное рабство в Америке возникли в процессе именно капиталистического, а не какого-либо иного развития, и именно потому, что в Западной Европе мануфактурный капитализм принял свою классическую форму. Эта последняя так же не могла

²⁸ См., например: Поршнева Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948.

²⁹ Барг М.А. Место XVII века в истории Европы//Вопросы Истории. 1985. Март № 3. С. 66-67.

существовать без периферийных "докапиталистических" форм, как и они без нее.

Единство качества и количества, то есть *мера*, достигается тогда, когда завершается складывание системы регионов, и каждый из них в рамках международного разделения труда работает на капитализм и развивается преимущественно по его законам. Взаимодействие экономических связей и методов "внеэкономического" принуждения определило конкретные пути складывания капитализма в разных регионах Европы и мира, а тем самым их новые границы. Эйкумена и прежде не была однородна, но прежде регионы складывались на основе преимущественно природной, а теперь на основе преимущественно общественной. Между Англией и Ирландией или между Германией и Польшей не существует таких природных различий, которые могли бы обусловить столь разительное несходство их исторических судеб (выразившихся позднее даже в состоянии их природы). Характер развития стран и целых регионов на долгие века был определен тем, как именно они были включены в новую систему международного разделения труда; а это, в свою очередь, во многом зависело от того исторического наследия, с которым они подошли к решающему рубежу, обозначенному Великими географическими открытиями.

Самое раннее и интенсивное воздействие "революции цен" испытал Пиренейский полуостров. Она началась здесь еще до открытия Америки благодаря притоку африканского, золота в Португалию. С другой стороны, к рубежу XV - XVI вв. уже сложилась зависимость Испании от старого "феодалного" капитала: арабского, североитальянского, фламандского. Освобождаясь в ходе Реконкисты и впоследствии с помощью инквизиции от влияния арабского капитала, испанские короли и гранды все сильнее запутывались в долгах итальянским и немецким банкирским домам. Это втягивало Испанию в итальянские и германские дела. Испанская корона владела югом Италии, а в конце XV - начале XVI в. оформляется ее династическая уния со Священной Римской империей.

В конце XV - начале XVI в. приток драгоценных металлов из Африки и Америки стимулировал хозяйственный подъем на Пиренейском полуострове. Но несколько позже, в результате повышения цен на продовольствие и сырье, продукция испанского ремесла и мануфактур стала неконкурентоспособной: товары из Западной Европы, куда "революция цен" еще не добралась, стали дешевле. Горожане требовали защитить внутренний и колониальный рынок протекционистскими Мерами. На этой почве в

1520 г. вспыхнуло восстание комунерос. Но Габсбурги, утвердившиеся в 1519 г. на испанском престоле, зависели от германского банкирского капитала настолько, что король Карл I (он же император Карл V) отдал дому Фуггеров в обеспечение своих долгов земли рыцарских орденов (Сантьяго, Алькантара и Калатрава) и фактически позволил им монополизировать торговлю хлебом.³⁰ Кроме того, грандам Месты было выгодно экспортировать как можно больше шерсти. В результате этого протекционистские меры принимались очень робко и ненадолго, а экспроприация крестьянских земель, наоборот, шла очень бурно. Все это привело к глубокому и затяжному экономическому кризису, в результате которого не только экспроприированная масса крестьянства и разорившиеся ремесленники, но и значительная часть низшего дворянства (идальгос) оказались в положении, напоминающем положение современных городских маргиналов "третьего мира". Освоение колоний не могло поглотить всю избыточную массу населения, но американское золото все же давало возможность абсолютизму и церкви не доводить ее до отчаяния, подкармливая разными способами. Среди них - свиты и обслуга вельмож, широкое распространение монастырей, платное осведомительство инквизиции, церковная и государственная благотворительность, организация пышных и многочисленных празднеств с раздачей денег и угощений. Значительная часть экспроприированных находила применение в наемных войсках Габсбургов и во имя Контрреформации защищала те самые центры старого капитала, которые их экспроприировали.

Как видим, новый масштаб международных связей Испании и Португалии был освоен не старым торгово-банкирским капиталом, а "новым дворянством", которое сделало Пиренейский полуостров экспортером шерсти и реэкспортером золота и серебра. Этот экспорт постепенно распространял "революцию цен" за пределы полуострова, но в такой пропорции, которая формировала Южную Европу как периферийный регион, а к северу от нее создавала регион подлинно метропольный - Западную Европу. В ходе этого процесса старый торгово-банкирский капитал отчасти разорялся (например, Вельзеры), отчасти втягивался в капиталистические отношения, но уже на вторых и третьих ролях, как, например, североитальянский капитал, который заменяет германский в финансировании испанского абсолютизма. Это еще прочнее связывало Испанию, Португалию и Южную Италию в один южноевропейский регион; Север-

³⁰ См. Лозинский С. Из Экономической истории Испании XVI в. // Исторический сборник N 5 - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

ная Италия заняла промежуточное положение между ним и западноевропейским регионом.

Западноевропейский регион представлял собой центр складывавшейся глобальной системы капитализма, и его первым воплощением оказались Нидерланды - узел торгового, банковского, биржевого, фрахтового дела и крупнейший центр мануфактурного производства XVI - XVII вв. Здесь сходились нити балтийской торговли с Центральной и Восточной Европой и океанской торговли с заморскими колониями. В Северных Нидерландах впервые победила буржуазная революция. Нидерланды же завершили складывание колониальной системы капитализма. Они уже с XVI в. осуществляли "первоначальное накопление" вне своих пределов - сначала на Пиренейском полуострове, а потом в колониях и зависимых странах, - и туда же было в основном вынесено "внеэкономическое принуждение". В других же странах региона бурное развитие мануфактур сопровождалось особо интенсивной экспроприацией трудящихся и особо жестоким "внеэкономическим принуждением". В Англии это - классические огораживания, дополненные классическим же "кровавым законодательством". Во Франции - система налогов и откупов, так же обеспеченная всей мощью абсолютистского государства. В Западной Германии - псевдофеодальная раздробленность, оформленная мелкокняжеским абсолютизмом. Мы не случайно назвали эту раздробленность псевдофеодальной и отнесли ее к методам экспроприации. Еще К.Маркс отмечал в "Капитале", что главы кланов горной Шотландии "превратили свое право собственности в силу титула в право частной собственности".³¹ Германские герцоги и графы сделали то же самое и стали делить бывшие феодальные владения, как родовые имения (в результате чего многие из них и достигли размеров больших имений; так, и без того крошечный Анхальт был разделен еще на 4 части). На приватизированной таким образом территории мини-князь мог распоряжаться и как частный собственник, и как государь, то есть осуществлять принуждение посредством законодательства, суда и т.п. Никакой феодальный сеньор не имел права ни сгонять своих вассалов с земли, ни продавать их в ландскнехты, как это делалось в Германии в XVII и даже в XVIII веке, когда главной покупательницей выступала капиталистическая "в чистом виде" Англия. Мелкокняжеский абсолютизм выполнял функции "кровавого законодательства" не менее, если не более эффективно, чем его классические образцы: экспроприации подвергались не только

³¹ Маркс К. Капитал. Т. I., Гл. XXIV, 2.//Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 740.

феодалыне права подданных на средства производства (земля переставала быть владением крестьян независимо от того, сгонялись ли они с нее или прикреплялись к ней намертво), но и их личная свобода. Столь своеобразный и радикальный вариант экспроприации в Западной Германии объясняется не только тем, что феодальная раздробленность сохранилась здесь до конца XV - начала XVI в., и эта готовая форма могла быть наполнена новым содержанием. Главная причина - в особой прочности крестьянской общины-марки и в особо упорном сопротивлении крестьян. Чтобы сломить его, оказалось мало разгрома восставших крестьян в войне 1525 г. и последующего "кровавого законодательства" Карла V. Понадобилось еще несколько войн, в том числе Тридцатилетняя, истребившая самых непокорных из немецких крестьян и согнавшая с земель многих других, которые на новом месте попадали в полную власть господ³²; понадобилось массовое, как нигде, истребление ведьм, хранивших верования и обычаи общин. С этого, а не с какого-либо другого времени Германия окончательно разделяется на Западную и Восточную, независимо от политических границ.

Восточная Германия вместе с Австрией, Чехией, Словакией, Венгрией, Польшей, Пруссией, Литвой и Ливонией составили Центральную Европу. До XVI в. в большинстве из этих стран активно развивались ремесло, торговля, а в Саксонии, Чехии, Словакии и Австрии - даже горнопромышленная мануфактура; положение большинства крестьян было лучше, а их владельческие права - шире, чем в других странах. Но в условиях "революции цен" значение горной промышленности резко ослабевает, зато небывалое значение приобретает экспорт продовольствия, в первую очередь зерна. Только с этого времени начинается агроэкспортная специализация региона и вместе с ней - повсеместное вторичное закрепощение крестьян и создание помещичьих латифундий путем экспроприации общинных земель и разрушения самой общины. Крепостное право (а позже - его пережитки) выполняли здесь одновременно и функцию огораживания, и функцию "кровавого законодательства", поддерживая в буквальном смысле палочную дисциплину труда. Все, кто выступал против, подвергались репрессиям и экспроприации, причем не только крестьяне. Например, в Чехии после битвы при Белой горе (1620 г.) были конфискованы земли дворян, выступивших против империи, то есть почти всего старого дворянства. Земли эти получили в дар или скупили за бесценок

³² См. Поршнева Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М.: Наука, 1976.

несколько семей местных сторонников императора, а так же пришедшие императорские офицеры и чиновники.³³

Латифундисты Центральной Европы не только эксплуатировали крестьян на барщине, доходившей иногда до шести дней в неделю, как, например, во владениях Речи Посполитой. Они использовали свою земельную монополию для предпринимательства, как сельскохозяйственного, так и мануфактурного. Широко известный Альбрехт Валленштейн, герцог Фридрихланд, не только скупал конфискованные у чешских дворян земли, но и ухитрялся даже в условиях Тридцатилетней войны заводить на них мануфактуры. М.А.Барг отмечает, что предпринимательство дворянства было широко распространено во всем регионе и облегчалось тем, что "в его руках находились земля и связанные с ней права на лес, воды, строительные материалы и нередко - полезные ископаемые. С другой стороны, предпринимательским начинаниям дворянства благоприятствовало привилегированное сословное положение дворянства. Его представителям Легко было обеспечить расположение, а то и содействие властей, заручиться льготами и привилегиями".³⁴ Сюда надо добавить главное "преимущество" - использование труда крепостных.

Причина утверждения в Центральной Европе крепостнического агроэкспортного хозяйства заключается опять-таки в складывающейся системе международного капиталистического разделения труда и международной торговли. Масса западногерманских княжеств с их таможенными границами создавала экономический барьер между Западной и Южной Европой, с одной стороны, и Центральной Европой, с другой. Этим затруднялось распространение "революции цен". По данным Э.Дж.Гамильтона, с 1501 по 1600 г. в Испании цены возросли в среднем в 4 раза, а в Польше - в 2,5 раза.³⁵ Экспорт хлеба при таких условиях был выгоден и торговцам-посредникам, и центральноевропейским землевладельцам, располагавшим дешевым трудом крепостных, и западноевропейским мануфактуристам, которые благодаря импорту дешевого продовольствия могли удерживать заработную плату на достаточно низком уровне.

³³ Как известно, то же самое происходило в Ирландии после исхода туда Кромвеля в 1653 году.

³⁴ Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма. М.: Наука, 1969. С. 120.

³⁵ См. там же. С. 129.

В этих условиях старый ганзейский североморско-балтийский торговый путь приобретает новое значение. Он становится жизненной артерией раннего капитализма, осуществляющей связь мануфактурной Западной Европы с аграрной Центральной Европой и далее - с сырьевой Восточной Европой. Ключевое положение Ютландского и Скандинавского полуостровов позволило Дании и Швеции захватить контроль над этим путем и присваивать большую часть разницы между ценами товаров. Балтийский торговый путь конституировал еще один регион - Северную Европу, контроль которой над этим путем надолго закрепил разрыв в ценах между Западной и Центральной Европой, а также между ними обеими и Восточной Европой.

В течение XVI и XVII вв. Дания и Швеция боролись за монополизацию этого контроля. В Дании, располагавшей только собственными землями и балтийскими проливами, такое положение повело ко "второму изданию крепостного права", хотя и более мягкому, чем в Центральной Европе. В Швеции, а затем и в Норвегии, и в Финляндии, где имелись богатые рудные, водные и лесные ресурсы, напротив, началось динамичное развитие мануфактур. Доходы от балтийской торговли позволили здесь обойтись без крайних форм экспроприации и "кровавого законодательства"; а Швеции вообще вынести их в страны, где она вела войны, и в свои прибалтийские владения.

Эти владения Швеции вместе с Речью Посполитой и причерноморскими владениями Османской империи образовали "восточный барьер", разделявший Центральную и Восточную Европу. Восточно-европейский регион в основном совпадал с пределами Русского государства, а крестьянско-казацкая колонизация постепенно передвигала его границы на север - до Белого и Баренцева морей, на юг - до Кавказа и на восток - сначала до Урала, а затем - в Сибирь и на Дальний Восток, который превращался тем самым в евроазиатский. Все это огромное пространство было отгорожено от "западной цивилизации" гораздо основательнее, чем Центральная Европа от Западной, и отнюдь не варварством московитов, а сознательными усилиями цивилизованных европейцев. Это отгораживание началось еще в XIII в., когда владения духовно-рыцарских орденов в Прибалтике почти отрезали русские княжества от моря. С тех пор Русь стала заслоном, прикрывавшим не столько Запад от варварского Востока, сколько Восток от европейского, особенно итальянского и ганзейского торгового капитала, превратившего Золотую Орду и Ливонский орден в свои орудия. Как показывают Г.В.Форстен и Б.Ф.Поршнева, государства Северной и Центральной Европы крепко держались за доходы от

восточной торговли.³⁶ Именно эти интересы стояли за пропагандистской демагогией относительно "русской угрозы" и "восточного варварства", которая начинается именно в XVI в. и сразу же берет на вооружение только что изобретенное средство массовой информации - книгопечатание.

Основу экспорта России составляли в то время лес, смола, конопля, лен, поташ, меха и т.п. Все эти товары производились главным образом на Севере, который один имел выход к морским торговым путям, и производились преимущественно не крепостным, а свободным трудом. У дворян не было такого стимула к закреплению и сверхэксплуатации крестьян, как в Центральной Европе. До середины XVIII в. продукты крепостного труда, производившаяся в дворянских имениях, почти не вовлекались в северу товарно-денежных отношений, а служили в своем натуральном виде средствами существования дворянина и его семьи. В таком виде крепостное право не требовало ни экспроприации общины, ни особо жестоких форм "внеэкономического принуждения". Последнее должно было только ограничивать уход крестьян в сектор относительно свободного труда, а также на незанятые земли.

Однако "восточный барьер" отвечал интересам балтийских посредников, но не потребностям развивающихся центров капиталистического производства, в первую очередь Англии, и уж никак не интересам господствующего класса России. Поэтому основной задачей внешней политики страны с середины XVI до конца XVIII в. был прорыв, а потом и ликвидация "восточного барьера". Это было нелегко, потому что его основу составляло, конечно, не печатная пропаганда, а экономическая блокада³⁷ и войны. Они шли почти непрерывно с 1558 до 1721 г., когда с окончанием Северной войны "восточный барьер" был, наконец, прорван. Окончательно же он был ликвидирован только с уничтожением Речи Посполитой в самом конце XVIII в.

В этой ситуации российское абсолютистское государство концентрировало в себе не индивидуально-буржуазные интересы, а совокупные потребности капиталистического развития, и не только России. Русская внешняя торговля имела не только экономическое, но и военно-политическое значение. Из русских мате-

³⁶ См. Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1893; Поршневу Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М.: Наука, 1976.

³⁷ Священная Римская империя в 1570 г. официально ввела запрет на торговлю с Россией и вместе с Польшей всячески добивалась присоединения к нему других стран.

риалов был построен английский флот, разбивший в 1588 г. "Непобедимую армаду" Филиппа II - союзника австрийских Габсбургов и Речи Посполитой. А начало экспорту зерна положили военные субсидии, предоставленные Дании и особенно Швеции в годы Тридцатилетней войны. Зерно поставлялось по себестоимости, официально для потребностей армии, а затем перепродавалось на Западе по ценам амстердамской хлебной биржи.³⁸

Борьба за прорыв "восточного барьера" обеспечивала государству полную поддержку дворянства и давала ему большую свободу во внутренних делах. Долгое время ему удавалось держать дворян на обязательной государственной службе, а с другой стороны, не выдавать им головной крестьянскую общину. Так продолжалось до второй половины XVIII в., когда Россия достигла выхода к Черному морю и свободы прохождения средиземноморских проливов, а также присоединила плодородные земли Причерноморья. В период от прорыва "восточного барьера" на севере до его прорыва на юге издается Указ о дворянской вольности (1762 г.), а крестьянам под страхом кнута и каторги запрещается подавать жалобы на своих господ (Указ 1769 г.). В 1785 г. Жалованная грамота позволяет дворянству заниматься предпринимательством, то есть организовывать в своих имениях и в городах мастерские, мануфактуры, ярмарки, "оптом продавать, что у них в деревнях. родится или рукоделием производится". В 1783 году крепостное право распространяется на Украину. Так русское крепостничество сближается с центральноевропейским и территориально, и по характеру.

Еще один регион - Юго-Восточная Европа - начал формироваться в ходе османских завоеваний в XIV - XV вв., ярчайшего проявления "ничто" раннего капитализма. Для народов Малой Азии и Балкан господство военно-феодальной империи Османов оказалось меньшим злом по сравнению с первыми попытками "первоначального накопления" со стороны североитальянских патрициев и их местных контрагентов. До конца XVI в. в европейской части империи почти не было восстаний. Казна получала большие доходы, взимая пошлины на путях доставки шелка и пряностей с Востока в Средиземноморье. Поэтому сравнительно умеренными были налоги на крестьян - мусульман и даже на неполноправных христиан - и их повинности в пользу военных феодалов-тимариотов. Крестьянские наделы были наследственными. Успешно развивалось ремесло.

³⁸ См. Поршневу Б.Ф. Тридцатилетняя война, и, вступление в нее Швеции и Московского государства. М.: Наука, 1976.

Но со второй половины XVI в. империя стала втягиваться в становление капитализма. Торговлю с Востоком у нее стали перехватывать голландские, английские и французские купцы. Они добились от султанов "капитуляций" - права почти беспошлинной торговли. Когда "революция цен" достигла османских владений и фиксированные ренты обесценились, на смену военно-ленным держаниям стали приходиться частные поместья чифтлики, производившие шелк-сырец, хлопок, шерсть, зерно для европейских рынков. "Непременным условием создания чифтлик было лишение крестьянства его наследственных прав на землю..."³⁹ Из феодальных держателей крестьяне превращались в арендаторов-издольщиков или батраков-поденщиков, а в главных зерновых районах - Молдавии и Валахии - утвердилось крепостническое хозяйство бояр. Экспорт сырья и импорт готовых изделий привели к упадку ремесла. Разорение крестьян и ремесленников ускорялось тем, что налоги становились все тяжелее с уменьшением доходов от внешней торговли. Империя вступила в затяжной кризис. В конце XVI начале XVII в. народные восстания поставили ее на грань гибели. Но у огромного государства нашлись внутренние и внешние резервы. В XVII в. проводятся реформы, укрепляющие систему военно-ленных держаний, ограничивается экспорт сырья и продовольствия, облегчается положение крестьян и ремесленников-мусульман. С другой стороны, купцы и ростовщики (мусульманские и греческие) получили возможность откупа налогов и приобретения земли; в XVIII в. они становятся полными хозяевами целых провинций. Процветает работорговля. Основное бремя гнета легло теперь на народы Балкан, тем более что Западная Европа вовсе не была заинтересована в их освобождении, а, наоборот, оказывала военно-политическую поддержку слабеющей империи. Для западноевропейских держав османские владения были обширным рынком и источником сырья, звеном "восточного барьера" против России. Так потребности капиталистического развития затянули на 200-300 лет освобождение Балкан от "феодального" ига, сделали его действительно тяжелейшим и тем окончательно выделили Юго-Восточную Европу в особый регион.

У нас нет возможности так же подробно рассмотреть внеевропейские регионы. Скажем только, что они в основном сложились к тому же времени, что и европейские, и при их складывании действовали те же закономерности - с той разницей, что эти регионы

³⁹ Мейер М.С. Экономические проблемы Османской империи XVI - XVIII вв. в современной турецкой и западной историографии//Социально-Экономические проблемы генезиса капитализма. М.: Наука, 1984.С. 235

образуют не ближнюю, а дальнюю, колониальную и полуколониальную, периферию капиталистических центров Европы.

В Азии европейцы встретили позднефеодальное общество с торговым капиталом, не уступавшим их собственному. XVI в. был временем равновесия сил между азиатскими странами и европейским колониализмом. Португальцам в кратчайший срок (с 1500 по 1511 гг.) удалось захватить все ключевые пункты морской евроазиатской торговли от Адена до Малакки, но они так и не смогли подавить морскую торговлю стран Юго-Восточной Азии. Были освоены новые морские пути в обход португальских крепостей.⁴⁰ Сильно выросла сухопутная торговля, ставшая базой складывания крупнейших государств Востока. В первой половине XVI в. почти весь Ближний Восток практически без сопротивления признал сюзеренитет Османской империи, видя в ней спасение от португальской угрозы. Тогда же сложились иранское государство Сефевидов и империя Великих Моголов в Индии. Сильные государства возникли в Японии, Бирме, на Яве и Суматре. В конце XVI и в XVII в. одна страна за другой стали изгонять Португальских колонизаторов. И только во второй половине XVII в. уже не Португалии, а Голландии, за которой стояли финансовые и военные результаты полуторавского формирования капитализма, удалось закрепиться в Индонезии и монополизировать морскую торговлю между странами Азии. В ответ большинство этих стран закрыли свои границы для европейской торговли или взяли ее под строжайший государственный контроль. Но успешно защитить свою экономику, в том числе торгово-мануфактурный капитал, удалось только Японии, что и выделило ее с XVII в. в особый регион, потенциально способный выдвинуться в число центров капиталистической системы. Крупным континентальным державам - Османской, Персидской, Цинской - ценой угнетения многих народов удалось только отсрочить лет на 200 свое превращение в полуколонии. Их границы или сферы влияния к середине XVIII в. очертили границы трех регионов: Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. Кроме того, окончательно оформились еще два региона - Юго-Восточная и Южная Азия, ставшие к середине XVIII в. сферами влияния Голландии и Англии. Здесь уже в XVIII в. начались широкие колониальные захваты, ставшие завершающей главой "первоначального накопления", прологом и условием промышленного переворота в Англии. И те, и другие колонизаторы использовали в Индонезии и Индии

⁴⁰ См. Берзин Э.О. Юго-Восточная Азия и экспансия Запада в XVII - начале XVIII века. М.: Наука, 1987.

формы эксплуатации, уже знакомые доколониальному обществу (трудовая повинность, налоги и их откуп), но использовали их с небывалым ранее размахом и жестокостью, приводившей к настоящему геноциду.

Впервые открытые для европейцев земли в Америке и Африке были самым уровнем их развития обречены на роль колоний. Но и здесь характер эксплуатации колоний зависел не столько от того, принадлежали ли они "передовым" Голландии и Англии, "более отсталой" Франции или "совсем отсталым" Испании и Португалии, сколько от того, с каким именно обществом столкнулись колонизаторы. В Америке было первобытно-общинное или в лучшем случае раннеклассовое общество на стадии неолита. Ни в том, ни в другом случае колонизаторам не удалось превратить местное население в своих рабов, потому что такой характер отношений был ему неизвестен. Попытки конкистадоров обращать индейцев в рабов вели либо к массовым восстаниям, либо к массовому вымиранию. Колонизаторы могли либо оттеснять и истреблять местные племена, занимая их земли, либо использовать уже известные здесь формы эксплуатации - трудовую и налоговую повинности общинников. Именно на основе трудовой повинности "миты" испанцы организовали добычу драгоценных металлов в Перу и другие нужные им работы. В сельском хозяйстве применялась "энкомьенда", что значит "поручение". Этот термин существовал еще со времен Реконксты, когда король "поручал" феодалу - "энкомендеро" - эксплуатировать подданных на завоеванных землях, взимая с них налоги в форме продукта или опять-таки принудительного труда, причем известная часть того и другого шла в пользу энкомендеро. Обе эти формы эксплуатации предполагали сохранение индейской общины. Поэтому испанской короне пришлось ограничивать экспроприаторские аппетиты конкистадоров, которые стремились все-таки обратить индейцев в рабов и отнять у них общинные земли. Впрочем, наиболее дальновидные из конкистадоров успешно сочетали энкомьенду с типично раннекапиталистическим предпринимательством. Так, "Эрнан Кортес, став крупнейшим в Новой Испании энкомендеро (ему было энкомендировано 115 тыс. индейцев), наладил, сверх того, лов жемчуга в Калифорнийском заливе, эксплуатацию золотых россыпей на юге Мексики, открыл первые серебряные рудники, в своих обширных земельных владениях организовал разведение крупного рогатого скота, овец и свиней, начал торговлю с вице-

Королевством Перу".⁴¹ Еще более масштабным было предпринимательство такого оплота "феодалной реакции", как орден иезуитов.

До середины XVIII в. различие между колониями Южной, Центральной и Северной Америки было чисто количественным: на севере не было ни драгоценных металлов, ни многочисленных индейцев, привыкших к отношениям раннеклассового общества, поэтому североамериканские колонии были сравнительно бедны. Но в XVIII в. сюда устремился огромный поток переселенцев, выталкиваемых из Великобритании и Ирландии завершением огораживания. Попытки английской короны ограничить уход колонистов на индейские земли привели к войне за независимость. Победа колонистов и образование США обрекли на гибель североамериканских индейцев и окончательно обособили североамериканский регион, начавший вырастать в новый метропольный центр капиталистической системы. Колонии же Испании и Португалии уже в начале XVIII в., после Войны за испанское наследство, попали в орбиту английского капитала; здесь складывается латиноамериканский регион с сугубо зависимым типом развития.

Но и в Северной, и в Южной Америке - повсюду, где индейские племена не годились для систематической эксплуатации, - требовались дешевые рабочие руки. Сначала из Англии и Ирландии во множестве ввозили белых "кабальных" слуг, законтрактованных или просто похищенных на родине; они на несколько лет превращались в таких же невольников, как и бродяги, "нанятые" по нормам "кровавого законодательства".⁴² Но главным источником рабов стала, как известно, Африка. Это случилось отнюдь не потому, что негры "по природе" лучше приспособлены к труду под палящим солнцем, чем индейцы или белые. Просто народы Африки уже хорошо знали рабство и работорговлю, так как раннеклассовые общества там были более развитыми, чем в Америке. Такое общество - куда более надежный источник невольников, чем общество, давно изжившее рабовладельческий строй (Европа, Азия) или не знавшее его (Америка). Этим и воспользовались цивилизованные европейцы. Черных невольников сначала стали вывозить в Португалию; без этого проявления "разности потенциалов" Европы и Черной Африки маленькая

⁴¹ Марчук Н.Н. Борьба за независимость в Латинской Америке в конце XVIII - начале XIX в. М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1988. С. 15.

⁴² Кабальные слуги" составляли около половины английских переселенцев в Америку в XVII - XVIII вв. См. Вильямс Э. Рабство и капитализм." М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1950.

Португалия не смогла бы снаряжать экспедицию за экспедицией, пока Васко да Гама не достиг Индии. Потом несравненно больше рабов потребовалось в Америке, где они стали основной рабочей силой на плантациях тропических культур. Это производство было создано мировым капиталистическим рынком и целиком ориентировано на него, а работорговля послужила одним из основных рычагов "первоначального накопления" и, в том числе, перекачки испанского и португальского золота в Англию (в Войне за испанское наследство Англия отняла у Франции право ввоза невольников в испанские колонии, а за время оккупации Кубы в Семилетнюю войну англичане успели ввезти туда огромное количество черных рабов).

Работорговля совершенно изменила весь ход развития Африки. Местная знать и даже целые государства стали специализироваться на продаже невольников в обмен на продукцию европейских мануфактур. Вывоз миллионов рабов и войны за их захват совершенно обескровили континент.⁴³ Так становление капитализма сделало Черную Африку самым бедным и отсталым регионом мира, каким она остается и поныне.

Только Австралия и Океания оставались особой эйкуменой до конца XVIII в., когда в Австралию было вынесено "внеэкономическое принуждение" английского капитализма - каторга и ссылка. Везде, где "варварские" племена упорно сопротивлялись колонизаторам, само это сопротивление совершенно изменило ход их развития, как некогда сопротивление Риму изменило ход развития европейских варваров. Индейцы Северной Америки, арауканы и патагонцы в Южной Америке, готтентоты и банту в Южной Африке переживали в XVI - XIX вв. "второе издание военной демократии", но оно могло лишь отсрочить геноцид. Лишь в глухих углах Америки и Африки сохранились первобытные общины, которые в отличие от классовых обществ способны существовать почти в полной изоляции. Но исключения только подтверждают правила: ко второй половине XVIII в. во всем мире сложилась качественно новая система регионов, связанных новым международным разделением труда - капиталистическим.

Мы видим, что внешние формы развития всех регионов, кроме Западной Европы (да и то не всей), весьма отличны от "чистых форм", на которые ориентируется целый ряд теоретиков. Формы

⁴³ Людские потери в результате трансатлантической работорговли оцениваются в 112 млн. человек. См. Рено Ф., Даже С. Африканские рабы в далеком и недавнем прошлом. М.: Наука, 1991.

эти напоминают то феодальную раздробленность (Германия), то развитый феодализм (Латинская Америка), то феодальную реакцию (Центральная и Юго-Восточная Европа), то античное рабство (Северная Америка, Карибский бассейн, Бразилия), а иногда для них приходится придумывать специальные названия вроде "азиатского способа производства" и "восточного деспотизма". Несходство этих форм с "классическим" капитализмом помешало многим теоретикам заметить их капиталистическое содержание и привело к выводу о господстве или пережитках: докапиталистических отношений повсюду, кроме Западной Европы, до XIX - XX вв. При таком подходе капитализм фактически отождествляется с капиталом. Однако капитал есть лишь одно общественное отношение, а не система общественных отношений определенной эпохи. Безусловно, капитал есть *сущностное* отношение капитализма, его основа. Но этой основой он становится только в рамках определенной глобальной взаимосвязи мира, никак не сводимой к количественному расширению "рынка". И даже в период, когда капитализм развивается на собственной основе, он к ней все же не сводится. В процессе становления своей сущности капитализм превращает свои предпосылки в свои следствия,⁴⁴ то есть превращает докапиталистические методы эксплуатации в капиталистические. Кроме того, порождаемые им самим формы проявления - не всегда кристально-прозрачное явление, но нередко - отклоняющаяся от сущности *объективная видимость*. Носителями капиталистических отношений вполне могут быть не только буржуа-предприниматели, но и идадьгос-конкистадоры, помещики-крепостники, плантаторы-рабовладельцы, работорговцы и их поставщики из африканских вождей. Это же относится к разнообразным формам "внеэкономического принуждения", которые обычно списывают на докапиталистические пережитки. На деле они вполне органичны капитализму (именно капитализму, а не капиталу "в чистом виде"), а некоторые из этих форм принуждения, например, зависимость крестьян от землевладельцев, стали "внеэкономическими" именно при капитализме.

Учитывая это, необходимо сделать вывод, что отличие форм развития капитализма на периферии глобальной системы от форм этого же развития в центрах объясняется не "отсталостью" периферии и не "деформирующим" влиянием центров на докапиталистические отношения, а различием мест этих регионов в глобальной

⁴⁴ См. Вазюлин В.А. Логика "Капитала" К.Маркса. М.: Изд-во МГУ, 1968.

системе. Поэтому нельзя измерять уровень капиталистического развития мерой сходства с "классическим" образцом. Степень приближенности к формам метрополии - это показатель близости к положению метрополии, а вовсе не уровня развития капитализма. Можно сказать, что экономика метрополии более развита, чем экономика колонии, с точки зрения производительных сил, но нельзя сказать, что в метрополии выше уровень развития капитализма с точки зрения производственных отношений. Производственные отношения развиваются в масштабах системы, в масштабах эйкумены; поэтому уровень развития капитализма тоже можно измерять только в масштабах системы.

Таким образом, единство формации обуславливается не сходством форм и процессов в различных регионах, а их единством, основанном на разнообразии. Единство капиталистической формации возникло еще на стадии ее *бытия*, как было показано. Поэтому представление об индивидуальных капиталах можно в какой-то мере принять только применительно к Средневековью, когда каждый купец более или менее индивидуально капитализировал феодальную ренту. Но в системе капитализма индивидуальный капитал с самого начала является только моментом капитала как всемирного общественного отношения, и чем полнее капитал переходит с феодальной основы на собственную основу, тем меньше индивидуального остается в "индивидуальном капитале". Современная "коллективизация" индивидуальных капиталов только приводит явление и действительность в согласие с сущностью. Термин "западнизм" не только уродлив, но и дважды неверен. Во-первых, капитал никогда не был индивидуальным по своей сущности, а был им только по видимости; во-вторых, отнесенность нынешнего корпоративного капитала к "Западу" - такая же объективная видимость, как и индивидуальный капитал.

Когда Ф.Фукуяма предлагает всему миру ориентироваться на западный уровень потребления и западные "ценности", то он сам должен понимать, что зовет к принципиально недостижимой цели. Западный уровень потребления никогда не был возможен без совершенно иного уровня на Востоке и Юге, а западные "ценности" всегда отражали и отражают это положение вещей. Примером этого отражения могут служить и представления С.Хатингтона о "столкновении цивилизаций". На самом деле сталкиваются не Цивилизации, а различные регионы глобальной системы капитализма. Частичное совпадение их границ с границами регионов "феодального синтеза" доказывает только то, что капитализм вырастает не из капитала, а из мировой истории. Поэтому у него есть Шанс погибнуть вместе с мировой историей. Чтобы этого избежать,

62

нужно как следует понять, законы его генезиса, развития и отрицания.